

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

ЧЕЛОВЕК: ОБРАЗ И СУЩНОСТЬ. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1990 года
Выходит 4 раза в год

**№ 2 (42)
2020**

Тема номера: Дискурсы,
конституирующие жизнь

Учредитель:

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Центр гуманитарных научно-информационных исследований
ИНИОН РАН

Редакция

Главный редактор: Л.В. Скворцов – д-р филос. наук

Заместители главного редактора: Л.Р. Комалова – д-р филол. наук, Г.В. Хлебников – канд. филос. наук

Редакционная коллегия: В.З. Демьянков – д-р филол. наук (Россия, Москва); Х.В. Дзуцев – д-р социол. наук (Россия, Владикавказ); Ю.А. Кимелев – д-р филос. наук (Россия, Москва); И.В. Кондаков – д-р филос. наук (Россия, Москва); Т.Н. Красавченко – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.Е. Лепский – д-р психолог. наук (Россия, Москва); С.И. Масалова – д-р филос. наук (Россия, Ростов-на-Дону); А.Е. Махов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Л.И. Мозговой – д-р филос. наук (Украина, Славянск); А.В. Нагорная – д-р филол. наук (Россия, Москва); Н.Т. Пахсарьян – д-р филол. наук (Россия, Москва); Р.К. Потапова – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.В. Потапов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук (Россия, Москва); А.М. Гагинский – канд. филос. наук (Россия, Москва); Р.С. Гранин – канд. филос. наук (Россия, Москва); В.Н. Желязкова – д-р филологии (Болгария, София); И.В. Кангро – д-р филологии (Латвия, Рига); М.Ю. Коноваленко – канд. психолог. наук (Россия, Москва); О.В. Кулешова – канд. филол. наук (Россия, Москва); О.А. Матвейчев – канд. филос. наук (Россия, Москва); Е.М. Миронеско-Белова – д-р филологии (Испания, Гранада); Е.В. Соколова – канд. филол. наук (Россия, Москва); П.-Л. Талавера-Ибарра – д-р филологии (США, Остин); Чж. Цзыли – канд. пед. наук (Китай, Шанхай); Е.А. Цурганова – канд. филол. наук (Россия, Москва).

Ответственные редакторы номера: Л.Р. Комалова – д-р филол. наук; А.В. Нагорная – д-р филол. наук

Ответственный секретарь: С.С. Сергеев

Журнал «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–72547

DOI: 10.31249/chel/2020.02.00

ISSN 1728-9319

© «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», журнал, 2020
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук», 2020

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
for Social Sciences

HUMAN BEING: IMAGE AND ESSENCE. HUMANITARIAN ASPECTS

SCHOLARLY JOURNAL

Published since 1990
4 issues per year

**№ 2 (42)
2020**

Theme of the issue:
Discourses that frame life

Founder:
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences, Centre of Humanitarian Scientific
and Informational Researches

Editorials

Editor-in-chief: Lev Skvortsov – DSc in Philosophy

Deputy editors-in-chief: Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology;
Georgiy Khlebnikov – PhD in Philosophy

Editorial board: Valery Demyankov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Hassan Dzutsev – Doctor of Science in Sociology (Russia, Vladikavkaz); Yuriy Kimelev – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Igor Kondakov – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Tatiana Krasavchenko – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vladimir Lepsky – Doctor of Science in Psychology (Russia, Moscow); Svetlana Masalova – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Rostov-on-Don); Aleksandr Makhov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Leonid Mozgovoy – Doctor of Science in Philosophy (Ukraine, Slavyansk); Alexandra Nagornaya – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Nataliya Pakhsariyan – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Rodmonga Potapova – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vsevolod Potapov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Emma Jakovleva – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Alexej Gaginsky – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Roman Granin – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Veselka Zhelyazkova – PhD in Philology (Bulgaria, Sofia); Ilze Kangro – PhD in Philology (Latvia, Riga); Marina Konovalenko – PhD in Psychology (Russia, Moscow); Olga Kuleshova – PhD in Philology (Russia, Moscow); Oleg Matveichev – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Elena Mironesko-Bielova – PhD in Philology (Spain, Granada); Elizaveta Sokolova – PhD in Philology (Russia, Moscow); Pablo-Leonardo Talavera Ibarra – PhD in Philosophy (USA, Austin); Zhang Zi-Li – PhD in Pedagogical Science (China, Shanghai); Elena Tsurganova – PhD in Philology (Russia, Moscow).

Executive secretary: Sergey Sergeev

Issue editors: Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology;
Alexandra Nagornaya – Doctor of Science in Philology

Journal «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects»
is indexed in the Russian Science Citation Index

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications,
information technology, and mass media, certificat: ПИ № ФС 77–72547

ISSN 1728-9319

DOI: 10.31249/chel/2020.02.00

© «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects», journal, 2020

© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Дискурсы, моделирующие поведение	9
<i>Огнева Е.А.</i> Моделирование архитектоники религиозного дискурса (На материале рождественского послания епископа Иоанна Шанхайского (Максимовича) 1935 г.)	9
<i>Коришунова А.И.</i> Дискурсивное конструирование феномена «детство» в англоязычной культуре	21
<i>Яроцкая Г.С.</i> Лингвоаксиологические аспекты коррупции в истории русского языка и культуры.....	40
Дискурсы, обрамляющие гражданское общество.....	59
<i>Рибейро Р. мл.</i> Традиционные массмедиа и лидеры мнений. Социальные медиа и изменения в цепи коммуникации.....	59
<i>Арзуманов В.В.</i> Геополитические конфликты в социально-сетевом дискурсе. (На материале креолизованных текстов)	74
Литературный дискурс	86
<i>Ярко А.Н.</i> Россия и Советский Союз в творчестве Александра Башлачёва.....	86

Рецензии	98
-----------------------	-----------

<i>Швец А.В.</i> Дискурс культурной революции: от экспериментов авангарда к новому субъекту. Рецензия на монографию: Кларк К. Петербург, горнило культурной революции	98
--	----

CONTENTS

Behavior modeling discourses	9
<i>Ogneva E.A.</i> Modeling of religious discourse architectonics (On the basis of the Christmas Epistle by bishop John of Shanghai (Maximovich) 1935)	9
<i>Korshunova A.I.</i> The discursive construal of «childhood» in the English-speaking culture	21
<i>Yarotskaya G.S.</i> Corruption as a concept in the history of the Russian language and linguaculture: the linguoaxiological approach	40
Discourses that frame civil society	59
<i>Ribeiro R.Jr.</i> Traditional mass media and opinion leaders. Social media and the changes in the communications chain.....	59
<i>Arzumanov V.V.</i> Geopolitical conflicts represented in the social network discourse. (On the basis of creolized texts) ..	74
Literary discourses	86
<i>Yarko A.N.</i> Russia and the Soviet Union in Alexander Bashlachev's poetry	86

Reviews.....	98
---------------------	-----------

Shvets A.V. The discourse of cultural revolution:

From avant-garde experiments toward the new subject

(Book review: Clark K. Petersburg. *Crucible*

of Cultural Revolution)..... 98

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСКУРС

УДК: 82–145

DOI: 10.31249/chel/2020.02.06

Ярко А.Н.**РОССИЯ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА¹**

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
филиал МГУ в городе Севастополе, Севастополь, Россия*

Аннотация. Отмечая «универсальность русскости» творчества Александра Николаевича Башлачёва (1960–1988), его эскапистское отношение к современной ему политической системе, автор анализирует, каким образом русское в стихах Башлачёва противопоставляется советскому.

Ключевые слова: Башлачёв; русское; советское.

Поступила: 13.09.2017

Принята к печати: 28.01.2020

Yarko A.N.**Russia and the Soviet Union in Alexander Bashlachev's poetry**

*Lomonosov Moscow State University,
Sebastopol Lomonosov Moscow State University Campus, Sebastopol, Russia*

Abstract. Underlining the «universality of Russianness» of Alexander Nikolayevich Bashlachev's poetry and his escapist attitude toward the contemporary political system, the author analyzes how the «Russian» in Bashlachev's verses is opposed to the «Soviet».

Keywords: Bashlachev; Russian; Soviet.

Received: 13.09.2017

Accepted: 28.01.2020

---

¹ © Ярко А.Н., 2020

*На фронтах мировой поэзии
Люди честные – все святы.
Я не знал, где искать Россию,
А Россия есть «Росс» и ты.*

В художественном мире Александра Башлачёва Россия воплощается на всех уровнях построения текста: жанровом (частушки в «Ванюше» [Башлачёв, 2001, с. 184–192]¹), лексическом (обращение к России: «Я увидел тебя, Россия, а теперь посмотри, где я» («В чистом поле дожди косые» (с. 72)), «Велика ты, Россия, да наступать некуда» («Имя имен» (с. 56))), слова с корнем «рус» («Грозный смех русских колокольчиков» («Время колокольчиков» (с. 19))), грамматическом (устаревшие грамматические нормы («Куда же я без нея» («В чистом поле дожди косые»), «Красно солнышко» («Имя имен»)), музыкальном (колокольчики) и метатекстуальном (указания в интервью на то, что творчество русского поэта должно обладать традиционными русскими чертами [Наумов, 2010, с. 381–417]). Причём чаще всего речь идет не о России, а о Руси: «А по Руси по руслу течет река» («Пляши в огне» (с. 67)), «По Руси по матушке вечный пост» («Вечный пост» (с. 60)), «Ведь святых на Руси только знай выноси» («Посошок» (с. 180)).

Россия в творчестве Башлачёва – одновременно и недостижимый в современной реальности мир, и мир, которому лирический герой не просто принадлежит, но не может не принадлежать («В чистом поле дожди косые», «Вечный пост», «Ванюша», «Время колокольчиков»). Стремление найти Россию приводит к тому, что она является неотъемлемой частью лирического героя – «Я не знал, где искать Россию, Да куда же я без нея?» Именно с Россией связан главный символ творчества Башлачёва – колокольчики. «Русских, русских колокольчиков» выделяется интонационно в песне «Время колокольчиков». В творчестве Башлачёва, по мнению В.А. Кошелева, получает завершение история этого символа в русской литературе [Кошелев, 2000].

В.В. Лосев отметил универсальность «русскости» творчества Александра Башлачёва [Лосев, 1995]. Сеем предположить, что, в числе прочего, имелось в виду многообразие воплощения русских мотивов в творчестве автора (А.С. Башлачёва). В.В. Лосев исследует фра-

¹ Здесь и далее цитаты из песен А. Башлачёва приводятся по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

зоологическую сторону «русскости» Башлачёва, называя ее наиболее концентрированно-национальным аспектом языка. Башлачёв трансформирует идиомы, тем самым создавая «уникальный инструмент вскрытия русской исторической судьбы». «Я» лирического героя Башлачёва переходит в национальное «мы»: говоря о России, Башлачёв говорит не о себе и не о нас, а о чем-то настолько же промежуточном, как и переход от времени колокола к времени колокольчиков. «Я скажу, что живу в мире, в котором нет волшебной палочки... одной на всех. У каждого она своя» [Наумов, 2010, с. 400]. Таким же я – мы является лирический субъект «русских» песен Башлачёва: это он, это ты и это мы.

Страна, в которой писал песни Александр Башлачёв и слушал их его реципиент, – Советский Союз. Соотнесение России и СССР может колебаться от их полного противопоставления до полного же отождествления. В творчестве Башлачёва есть немало песен, содержащих, на первый взгляд, критику Советского Союза: ироническая «Подвиг разведчика», сатирическая «Слёт-симпозиум», неоднозначная «Петербургская свадьба», антитоталитарная «Абсолютный вахтер». При желании все их можно интерпретировать как антисоветские, что и делает герой песни «Случай в Сибири» (с. 76–78).

Сюжет песни таков. Попадая в хорошую компанию в Сибири, лирический субъект, предельно приближенный к биографическому автору, знакомится с неприятным ему человеком («Какие люди там живут! Как хорошо мне с ними! / А он... Не помню, как зовут. Я был не с ним, с другими»), ругающим и Сибирь, и ее жителей. Потом этот человек поет песню Гребенщикова, после чего лирический субъект исполняет свою собственную песню, которую слушатель понимает в корне неверно:

*Хвалил он: – Ловко врезал ты по ихней красной дате.
И начал вкручивать болты про то, что я – предатель.
Я сел, белее, чем снега. Я сразу онемел как мел.
Мне было стыдно, что я пел. За то, что он так понял,
Что смог дорисовать рога,
Что смог дорисовать рога он на моей иконе.*

После чего лирический субъект объясняет свою неверно понятую позицию: *Не говорил ему за строй – ведь сам я не в строю...*

Эти слова наиболее точно характеризуют экапистское отношение к советской системе многих, хотя, конечно, не всех роке-

ров 1980-х годов: быть не «за» и не «против», а вне, не контркультурное, а субкультурное мышление. В песне «Чёрные дыры» Башлачёв скажет: «Но я с малых лет не умею стоять в строю». Это не экспликация антисоветской позиции, а отказ от официоза в принципе.

Однако вернемся к песне «Случай в Сибири». Песню можно признать и метатекстуальной, и биографической. Лирический субъект предельно сближен с биографическим автором: это певец, путешествующий по Сибири. Сам Башлачёв не только путешествовал по Сибири, но и очень любил этот край и его жителей, о чем свидетельствуют интервью и воспоминания современников: «Я в Сибири, например, встречаю безусловно талантливых людей» [Наумов, 2010, с. 385] (ср. в песне: «Какие люди здесь живут, как хорошо мне с ними»); «В Сибири ему страшно понравилось: он говорил, что ощутил там невероятный прилив “позитивной” энергии и радости. <...> Саша сочинил множество песен в эту пору – “В чистом поле”, “Тесто”, “Верка, Надька и Любка”, “Как ветра осенние”, “Случай в Сибири” и другие» [Троицкий, 1989, с. 20]. Отметим, что о любви к Сибири Башлачёв говорил не только в метатекстуальных высказываниях, но и в песнях: «Я хотел бы жить, жить и умереть в России, если б не было такой земли – Сибирь» («Как ветра осенние»). (Отметим, что, по указанию Артемия Троицкого, эта песня, как и песня «Случай в Сибири», написана в период посещения поэтом Сибири). На автобиографичность песни указывают и колокольчики, которые Александр Башлачёв носил на груди. Ср. в песне:

*Когда пою, когда дышу, любви меняю кольца,
Я на груди своей ношу три звонких колокольца.*

Итак, песня «Случай в Сибири» может быть признана автобиографической, а значит, речь в ней идет о конкретной песне Александра Башлачёва. Точного указания, о какой, в тексте песни нет, однако в творчестве Башлачёва не так много песен, которые можно было бы интерпретировать как антисоветские. Между тем в песне «Случай в Сибири» все-таки есть строчка, которая может быть рассмотрена как указание на исполненную песню: «Ловко врзал ты по ихней красной дате». Ср. в песне «Петербургская свадьба»: «Развёрнутая кровь как символ страстной даты», а также замечание Т.Е. Логачёвой по поводу этой песни: «Через весь текст композиции проходит мотив красного <...> цвета» [Логачёва,

1998, с. 64]. «Петербургская свадьба» – это песня о февральской революции, песня трагичная, но отнюдь не антисоветская: в песне, скорее, переплетено трагическое и величественное Петербурга, традиционно вычленяемое в Петербургском тексте русской литературы. Так, у В. Топорова читаем: «...стоит обратить внимание на высокую степень типологического единства многочисленных мифопоэтических “сверхтекстов” (текстов жизни и смерти, “текстов спасения”), которые описывают свехуплотненную реальность и всегда несут в себе трагедийное начало, подобно Петербургскому тексту от “Медного Всадника” до “Козлиной песни”» [Топоров, 2003, с. 27]. Подобное соединение «мифопоэтических “сверхтекстов”» встречаем и в «Петербургской свадьбе» Башлачёва: Пётр I и воронки гармонично переплетаются в одном тексте, прецедентом-импульсом для которого, по словам той же Логачёвой, послужил «Медный всадник», формируя тем самым нечто трагическое и вневременное, присущее Петербургу: по сути, никакой разницы между Евгением из «Медного всадника» и героем «Петербургской свадьбы» нет, он одинаков во все времена. С учетом всего вышесказанного песня не может быть названа антисоветской. Однако герой песни «Случай в Сибири» воспринимает ее именно как антисоветскую: «Хвалил он: ловко взрезал ты по ихней красной дате! И начал вкручивать болты про то, что я предатель». Вместе с тем лирический субъект песни отнюдь не спешит разубедить своего «оппонента», и неверное понимание песни – не главное, что их разъединяет. Главное другое: любовь одного из них к простым сибирским людям, к простым ценностям и презрение к ним второго, а в конечном итоге – наличие / отсутствие души:

– Да что там у тебя звенит,
И я сказал: – Душа звенит. Обычная душа.
– Ну ты даешь... Ну ты даешь!
Чем ей звенеть? Ну ты даешь –
Ведь там одна утроба.

Это тот момент, где разногласия героев эксплицируются вербально. Песня строится так, что первую ее часть говорит «сибиряк», а лирический субъект терпит его слова и начинает ему возражать лишь во второй части, когда терпение его заканчивается. Как же это происходит? Сибиряк ругает Сибирь как провинцию, ругает провинциальных жителей, мечтает о славе, поет песню БГ.

Лирический субъект пытается заставить его посмотреть на это по-другому, спев свою песню, но тот ее интерпретирует неверно. И именно неверная интерпретация песни становится той последней каплей («Я сел, белее, чем снега, я сразу онемел как мел»), которая заставляет лирического субъекта, до этого все время молчавшего, высказать наконец свою точку зрения. Однако собственно о неверной интерпретации песни речь не идет. Герой говорит о смысле жизни, призывает своего оппонента изменить свою жизнь:

*Ты не стесняйся. Оглянись. Такое наше дело.
Проснись. Да хорошо встряхнись. Да так, чтоб зазвенело.
Зачем живешь? Несладко жить. И колбаса плохая.
Да разве можно не любить?
Вот эту бабу не любить, когда она – такая!
Да разве ж можно не любить, да разве ж можно хаять?*

Однако, закончив произнесение проповеди, обозначенное маркером изображенной речи «и я сказал», лирический субъект, уже обращаясь к слушателям, объясняет, почему не стал затрагивать политические темы:

*Не говорил ему за строй – ведь сам я не в строю.
Да строй – не строй, ты только строй.
А не умеешь строить – пой. А не поешь – тогда не плюй.
Я – не герой. Ты – не слепой. Возьми страну свою.*

Итак, несмотря на то, что именно неверная интерпретация песни послужила толчком к тому, чтобы герой стал объяснять своему оппоненту, что тот, с его точки зрения, живет неправильно, собственно интерпретации песни и шире – политики – он не касается именно потому, что «сам не в строю». (Впрочем, и тогда, когда речь идет о политике, поэт протестует не против Советского Союза, а против тоталитарных режимов. Так, в песне «Абсолютный вахтер» (с. 36–37) приравниваются метонимии советского и нацистского режимов: «Абсолютный вахтер, не Адольф, не Иосиф», «Вой гобоев ГБ в сакофонах гестапо»). Поверхностная, а потому неверная интерпретация песни здесь всего лишь частный случай неверного, с позиции автора, отношения к жизни. По другим пунктам точки зрения оппонентов прямо противоположны друг другу: одному нравится Сибирь и сибиряки, второму – нет; один говорит «да как же можно не любить, вот эту бабу не любить, когда она такая», второй – «здесь даже бабы не

дают»; у одного душа звенит, у другого на ее месте «одна утроба». Что же касается политики, один против советской власти, второй – вне ее, «не в строю». Однако в системе ценностей этой песни именно бытие «не в строю», бытие вне политики характеризуется знаком «плюс» и ставится в один ряд с такими категориями, как ‘любовь’ и ‘душа’. С другой же стороны, среди качеств со знаком «минус», в конечном итоге оказывается не включенность в тот или иной строй, как можно было бы предположить, а осуждение: «А не поешь – тогда не плюй». Разумеется, это «не плюй» в песне шире, оно касается и Сибири, и сибиряков, и женщин, и даже снега, но в том числе – и строя, который осуждает герой.

Итак, песни «Петербургская свадьба» и особенно автобиографическая «Случай в Сибири» характеризуют эскапистское отношение Башлачёва к политике. Вместе с тем здесь показателен и фактор рецепции. Ведь справедливости ради надо отметить, что вне зависимости от авторской интенции «Петербургская свадьба» тем не менее может быть воспринята как антисоветская песня. Более того, как представляется, все немногочисленные песни Башлачёва, связанные с политикой, при более глубоком анализе окажутся не остросатирическими, а более широкими, посвященными более глубоким проблемам, нежели противостояние общественному строю.

Можно сказать, что в рассмотренных песнях встречаются Россия и СССР, и если «Петербургскую свадьбу» можно рассмотреть как изображение насилия советского режима над Россией, то в «Случае в Сибири» автор отказывается от такого примитивного прочтения. Соотнесению Советского Союза и России посвящена и песня «Зимняя сказка» (с. 43–46).

В песне показана деформация русского за счет советского, причем советское связано с центром России, русское – с провинцией, где «не достал нас “Маяк”» (вспомним, как наводит тоску радио на героя «Подвига разведчика»). Уже в первой строчке колокольчик, в тексте романса гремевший под дугой ямщика, оказывается на Спасской башне Кремля. Через песню проходят тюремные мотивы с некоторым уклоном в сторону правоохранительной функции государства: день откидывается, как досрочник ЗК, снега – протокольные листы февраля, и даже вдова, на крыльце у которой истоптали весь снег, – вдова милицейская. Государство в своей карающей ипостаси проникает до самых крайних уголков России, и даже когда герой спокойно уснет, Нева будет по-прежнему впа-

дать в Колыму, и Колыма здесь является одновременно и отдалённым регионом России, и метонимией государственных репрессий. Однако и здесь тоже противопоставлено не только и не столько русское и советское, сколько человеческое и государственное, а также провинциальное и столичное – оба эти противопоставления встречаются и в «Случае в Сибири».

Между тем большим преувеличением будет назвать творчество Башлачёва полностью аполитичным. Поэт не избегал политики, однако выражал свою позицию не на уровне прямых лозунгов, а другими художественными средствами. В связи с этим мы бы хотели обратиться к еще одной песне Александра Башлачёва – к песне «Подвиг разведчика», чтобы посмотреть, каким образом в ней соотносятся точка зрения героя, «простого советского человека», и точка зрения официальных средств массовой информации 1980-х годов, т.е. официальная точка зрения.

Сюжет песни таков: проснувшись с похмелья, герой песни читает газету, слушает новости по телевизору и решает, что политическая ситуация в стране требует его немедленного вмешательства, после чего очень подробно «планирует» свои военные действия. Что же так взбудоражило героя песни в новостях?

*Из братских стран мне сообщает пресса:
Поляки оправляются от стресса
Прижат к ногтю вредитель Лех Валенса,
Мечтавший всю Варшаву отравить.
Да, товарищи, не все еще врубилась в суть прогресса
И в трех соснах порой не видят леса,
Бряцает амуницией агрессор,
Но ТАСС уполномочен заявить:
(Я читаю)
«Тяжелый смог окутал Вашингтон.
Невесело живется без работы
В хваленых джунглях каменной свободы,
Где правят ЦРУ и Пентагон.
Среди капиталистов этих стран
Растёт угар военного психоза.
Они пугают красною угрозой
Обманутых рабочих и крестьян.
А Рейган, вор, ковбой и педераст,
Поставил мир на ядерную карту.
Тревожно мне, кусаю свой матрас
Дрожу, как СС20 перед стартом.*
(Цит. по фонограммам)

Наибольшей эмоциональности голос исполнителя достигает именно на строках «Рейган, вор, ковбой и педераст / Поставил мир на ядерную карту». Однако чьи это слова? Героя или репортера? Этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Песня «Подвиг разведчика» представляет собой ролевую лирику, т.е. перед нами – речь изображенная. Однако на уровне лексики речь ролевого героя отнюдь не однородна: от явных советских штампов до просторечий. Вместе с тем именно советские штампы, используемые героем неосознанно, и формируют большую часть песни. Так, начинается она названием популярной радиопередачи «В рабочий полдень». Исключая этот штамп, герой в первом куплете использует нормальную для него просторечную лексику: «попутал», «в одиночку вышел из запоя», «вот те раз». Таким образом, с первых слов речь героя можно охарактеризовать как просторечную, но в которую вместе с тем прочно вошли штампы из современных герою средств массовой информации.

Однако фрагмент с приведением сообщения из газеты – это не пересказ, а прямая цитата, что эксплицируется словами, встреченными нами в пяти из шести известных аудиозаписей песни: «Я читаю». Прозаическая строка, выбивающаяся из ритма песни, драматизирующая ее, эксплицирует достоверность передаваемой информации, сигнализирует о том, что далее текст будет передан без изменений. Действительно, рассматриваемый фрагмент представляет собой набор штампов: «Тяжелый смог окутал Вашингтон», «В хваленых джунглях каменной свободы», «Они пугают красною угрозой обманутых рабочих и крестьян» и т.д. Однако в наивысшей эмоциональной точке фрагмента встречается слово «педераст», употребление которого в газете того времени было невозможным. Можно предположить, что с этого момента точная цитата заканчивается и далее представлена точка зрения собственно героя, что, впрочем, никак не эксплицировано. В исполнении 20 октября 1984 г. строчка звучит следующим образом: «А Рейган, там так написано было, вор, ковбой и педераст». Казалось бы, повторение того, что передаваемое сообщение было «написано», должно усиливать степень ее достоверности, однако именно невозможность этого заставляет и вовсе усомниться в ее истинности, и тогда, несмотря на слова «я читаю», рассматриваемый фрагмент – это пересказ статьи героем. Вместе с тем герой говорит «там так написано БЫЛО», тем самым эксплицируя, что газету он все-таки не читает, а пересказывает. Таким обра-

зом, несмотря на указание «я читаю», однозначно определить, читает ли герой газету или пересказывает, в этом фрагменте нельзя, однако то, насколько лексика рассматриваемого фрагмента отличается от лексики героя, заставляет предположить, что рассматриваемый фрагмент – прямая цитата из газеты. В таком случае нагромождение штампов характеризует собственно советскую прессу, а не ее восприятие героем. Строка же «А Рейган, вор, ковбой и педераст», несмотря на указание в одном из исполнений на достоверность («там так написано было») или именно благодаря ему (за счет прошедшего времени, а также обратного эффекта: повышенное желание убедить в достоверности заставляет в ней усомниться) представляет собой уже точку зрения героя, отсюда – и наивысшая точка эмоциональности фрагмента.

Однако вернемся на несколько строк выше. Если в только что рассмотренном куплете, – вероятнее всего, точная цитата из газеты, то в предшествующем ему фрагменте однозначно определить, точная ли цитата приводится, нельзя:

*Из братских стран мне сообщает пресса:
Поляки оправляются от стресса,
Прижат к ногтю вредитель Лех Валенса,
Мечтавший всю Варшаву отравить.
Да, товарищи, не все еще врубилась в суть прогресса
И в трех соснах порой не видят леса,
Бряцает амуницией агрессор,
Но ТАСС уполномочен заявить.*

Первая строчка «Из братских стран мне сообщает пресса» может свидетельствовать как о точной цитате, так и о пересказе. В авторском списке кавычки не стоят, т.е. если опираться на авторский список, то перед нами пересказ газетной заметки, а не приведение ее без изменений.

В строке «да, товарищи, не все еще врубилась в суть прогресса» (в наиболее раннем из известных нам вариантов слова «товарищи» нет) просторечное слово «врубилась» в сочетании в одном куплете с такими словами, как «прогресс», «агрессор», а также «бряцает» (да еще и с правильным ударением) опять же говорят о точке зрения героя, однако же очень близко передающего то, что он слышал в средствах массовой информации.

Между тем если говорить о стереотипности сознания героя, о его подверженности влиянию официальных средств массовой

информации, то и здесь все оказывается не так просто. Приведем еще один фрагмент песни:

*Экран, а в нем с утра звенят коньки.
В хоккей играют настоящие мужчины.
По радио поют, что нет причины для тоски,
И в этом ее главная причина.*

В куплете – два медийных события: хоккейный матч и популярная советская песня, о которых герой отзывается неодобрительно. В этом же куплете – две цитаты из популярных советских песен: «В хоккей играют настоящие мужчины» и «Нет причины для тоски». Однако, в отличие от политических штампов, эти цитаты употребляются героем осознанно: для того, чтобы обозначить свое ироническое отношение к хоккейному матчу, и для того, чтобы скаламбурить со строчкой песни. Герою не только откровенно не нравится массовое искусство, но оно и не вошло в его сознание на уровне штампов, тогда как публицистические штампы в его речи прослеживаются абсолютно четко. Вместе с тем именно в этом фрагменте герой предстает как неглупый человек с нестандартным мышлением, способный на игру слов и иронию.

Итак, как видим, в рассмотренных фрагментах однозначно определить, напрямую ли цитируется информация или пересказывается героем, нельзя, что и говорит о настолько тесном слиянии точки зрения, передаваемой официальными средствами массовой информации, с точкой зрения героя, что их практически невозможно отделить друг от друга. В речи героя просторечные слова соседствуют с советскими штампами, прочно вошедшими в его сознание и ставшими «его». Однако и прямую цитату из газеты в песне невозможно отличить от речи героя, в принципе, точка зрения официальных средств массовой информации и «простого советского человека» – это одна и та же точка зрения. В песне во фрагментах, где, казалось бы, газета цитируется без изменений, употребляются слова, возможные только в просторечном употреблении. Таким образом, в песне «Подвиг разведчика» слияние точек зрения официальных средств массовой информации и героя настолько велико, что не только первая влияет на вторую, но и обратное.

Россия воплощается на всех уровнях художественного мира Александра Башлачёва. Она является одновременно и миром, к которому необходимо стремиться, и миром, имманентно прису-

щим лирическому герою и его адресату. Многие песни Башлачёва могут быть рассмотрены как антисоветские, однако контекстуальный анализ показывает, что в этих песнях осуждается не существовавший строй, а строй как таковой и даже шире – любое насилие: явное в виде репрессий или неявное в виде средств массовой информации, и при таком прочтении Россия оказывается противопоставлена не Советскому Союзу как ранее существовавшее государство государству нынешнему, а как что-то истинное, присущее человеку изнутри, в противовес навязываемому ему извне.

Список литературы

- Башлачёв А. Стихи, фонография, библиография. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. – 217 с.
- Кошелев В.А. «Время колокольчиков»: литературная история символа // Русская рок-поэзия: текст и контекст 3. – Тверь, 2000. – С. 142–161.
- Логачёва Т.Е. Рок-поэзия А. Башлачёва и Ю. Шевчука – новая глава Петербургского текста русской литературы // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь, 1998. – С. 56–70.
- Лосев В.В. О «русскости» в творчестве Александра Башлачёва // Русская литература XX века: Образ, язык, мысль. – Москва: МПУ, 1995. – С. 103–110.
- Наумов Л. Александр Башлачёв: Человек поющий. – СПб.: Амфора, 2010. – 440 с.
- Топоров В. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. – СПб.: Искусство, 2003. – 616 с.
- Троицкий А. Один из нас: Об А. Башлачеве // Огонек. – 1989. – № 20. – С. 19–21.

References

- Bashlachjov, A. (2001). *Stihi, fonografija, bibliografija*. Tver': Tverskoj gos. universitet.
- Koshelev, V.A. (2000). «Vremja kolokol'chikov»: Literaturnaja istorija simvola. *Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst 3*, pp. 142–161.
- Logachjova, T.E. (1998). Rok-poezija A. Bashlachjova i Ju. Shevchuka – novaja glava Peterburgskogo teksta russkoj literatury. *Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst*, pp. 56–70.
- Losev, V.V. (1995). О «russkosti» v tvorcestve Aleksandra Bashlachjova. *Russkaja literatura XX veka: Obraz, jazyk, mysl'*, pp. 103–110. Moskva: MPU.
- Naumov, L. (2010). Aleksandr Bashlachjov: Chelovek pojushhij. Saint-Petersburg: Amfora.
- Toporov, V. (2003). Peterburgskij tekst russkoj literatury. *Izbrannye trudy*. Saint-Petersburg: Iskusstvo.
- Troickij, A. (1989). Odin iz nas: Ob A. Bashlacheve. *Ogonek*, 20, 19–21.